

з абсолютных числах, это различие окажется статистически незначимым ввиду малой наполненности соответствующих групп.

Вместе с тем ясно, что имеющиеся сбои (в общем досадные для труда столь высокого уровня) носят непринципиальный характер. Несомненные достоинства предлагаемой читателям монографии — в ее высокой познавательной ценности, поисковой направленности. Сформулированные в ней теоретические идеи, без сомнения, окажут продуктивное влияние на дальнейшие этноурбанистические изыскания.

Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев,
В. В. Пименов

Примечания.

¹ См., например: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980; Рукавишников В. О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М., 1980; Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986.

² См., например: Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

³ Авторы монографии формулируют и ставят на обсуждение и этот вопрос (см. с. 43).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. М., 1928. С. 242—243.

М. К. Азадовский. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма / Сост., автор предисл. Яновский Н. Н., Иркутск, 1988. 336 с.

К столетию со дня рождения одного из крупнейших советских фольклористов, этнографов, краеведов, литературоведов, библиографов, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей СССР М. К. Азадовского (1888—1954) в Иркутске вышел сборник его статей, рецензий и писем «Сибирские страницы», подготовленный Н. Н. Яновским.

Н. Н. Яновский — современный исследователь произведений писателей-сибиряков — замыслил создание монографии о М. К. Азадовском, много лет прожившем в Сибири и всегда высоко ценившем отчий край. В последнее время Н. Н. Яновский выступил с рядом работ о деятельности ученого¹, обширным очерком-воспоминанием откликнулся на смерть Л. В. Азадовской (1904—1984), жены ученого, посвятившей последние три десятилетия жизни его памяти и делам².

В ряду этих публикаций Н. Н. Яновского находится и вступительная статья к рецензируемому сборнику, основанная на изучении многих печатных и архивных материалов. В ней подробно рассказывается о жизни ученого, прослеживается формирование и становление его разнообразных творческих исканий. Осмысливая огромное количество первоклассных книг и статей, созданных за более чем 40 лет, автор останавливается, в первую очередь, на сибирике исследователя, составившей, по образному выражению А. Н. Турунова, «малую сибирскую энциклопедию». М. К. Азадовский был убежден, что Сибирь владела и владеет подчас нетронутыми духовными богатствами, которые должны стать всеобщим достоянием. Он решительно отвергал представление об отрыве культуры сибиряков от общерусских корней и общерусской национальной традиции.

М. К. Азадовский-сибиревед — это прежде всего, фольклорист широкого профиля (собирателем, исследователем, организатором научного процесса и разных печатных изданий, воспитателем молодых кадров), филолог, первым сформулировавший само понятие «сибирская литература» (расцененная им как часть общерусской литературы) и определивший этапы ее развития от конца XVIII в. до Октябрьской революции. Еще одно важное направление сибиряки М. К. Азадовского — библиография устной поэзии, этнографии, литературы, истории, краеведения Сибири, которую он стремился поставить на более высокий теоретический уровень. Н. Н. Яновский называет М. К. Азадовского выдающимся сибирским библиографом, усовершенствовавшим и надолго определившим задачи источниковедения родного края.

Отдельные главы вступительной статьи посвящены анализу двухтомной «Истории русской фольклористики», не утратившей своей уникальности и по сей день (здесь же рассмотрены труды по теме «литература и фольклор») и книги «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель». Завершается вступление характеристикой роли Л. В. Азадовской в сохранении и пропаганде наследия ученого.

За долгие годы совместной жизни Лидия Владимировна вошла в круг научных интересов мужа, что позволило ей стать продолжательницей того, что сегодня с полным правом можно назвать «школой Азадовского». Благодаря энергии Л. В. Азадовской и при ее непосредственном участии в 1958 и 1963 гг. были изданы два тома «Истории русской фольклористики», долго остававшиеся в рукописи; в 1969, 1978 и 1981 гг. достоянием общественности стали письма М. К. Азадовского к многочисленным адресатам и их ответы. В книге Марка Константиновича «Статьи и письма» (Новосибирск, 1978), выпущенной в свет стараниями Л. В. Азадовской, ею было опубликовано

большое документированное исследование, насыщенное сведениями о замыслах, начинаниях, неизданных работах, истории многих разысканий, что значительно расширило и углубило представление о ценности и значимости трудов профессора. Оно стало, как подчеркнул Н. Н. Яновский: «библиографическим справочником и содержательным первоисточником по Азадовскому, по фольклору».

Корпус рецензируемого сборника состоит из семи поныне сохранивших свое значение, давно не переиздававшихся, труднодоступных, а также неизвестных ранее статей М. К. Азадовского по литературе и народоведению Сибири, снабженных обширными примечаниями. Более 400 пояснений, как правило весьма развернутых, не только свидетельствуют о необычайной эрудиции М. К. Азадовского, но и служат существенным дополнением к принципиальным проблемным вопросам, поднятым в самих публикациях. Несомненно большое историческое значение имеют письма из блокадного Ленинграда, отобранные и прокомментированные Л. В. Азадовской.

Литературоведческий раздел книги состоит из перепечаток работ «Сибирская беллетристика тридцатых годов», «П. П. Ершов» и развернутой рецензии «Из литературы об областном искусстве». Событием стало вторичное появление в печати классического труда «Сибирская беллетристика тридцатых годов», первоначально опубликованного в задуманной М. К. Азадовским серии «Очерки литературы и культуры Сибири» в 1947 г. Из-за мизерного тиража он сразу оказался библиографической редкостью и, несмотря на свою значимость, в течение длительного времени оставался доступным лишь узкому кругу специалистов.

В фольклорно-этнографическую часть входит очерк «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель (Опыт характеристики)» — одна из последних работ ученого и обнародованная посмертно (Чита, 1955)³. «Опыт» задумывался как введение к сформированному М. К. Азадовским тому «Из литературного наследия В. К. Арсеньева», однако он имеет и вполне самостоятельное значение, определившее его отдельную публикацию⁴.

Разыскание было создано в результате вдумчивого освоения произведений Арсеньева и их критических разборов, а также обобщения личных наблюдений, бесед и встреч (М. К. Азадовский был знаком с В. К. Арсеньевым с дореволюционной поры; дружба их длилась многие годы). Повествуя об известных и малоизвестных фактах биографии Арсеньева (например, о подробностях 1902—1907 и 1908—1910 гг.) ученый одновременно исследует работы В. К. Арсеньева, уточняет дату их написания и появления в печати, подчеркивает их краеведческую и этнографическую направленность.

Арсеньев раскрывается как один из ярких представителей плеяды великих русских географов, продолжатель дела Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина. В то же время выявляется индивидуальность В. К. Арсеньева-натуралиста, своеобразие его трудов, вытекающее из особенностей условий обследованной им части России. М. К. Азадовский создал опыт характеристики не только незаурядного человека, знаменитого исследователя Дальнего Востока, но и писателя-путешественника.

В связи с последним высказаны важные мысли о малоизученных научно-художественных описаниях итогов специальных экспедиций. Беллетризированной прозе ученых-путешественников присущи особые цели и специфические приемы изображения. Выразительность сочетается в них с неуловимой точностью воспроизведения действительности, происходит органическое слияние поэзии жизни с фактами и открытиями, добытыми ученым-географом, этнографом, краеведом. М. К. Азадовским, синтезировавшим в своих штудиях достижения разных наук, при изучении творчества В. К. Арсеньева была разработана новая методика филологического анализа сочинений этнографического характера⁵.

Статья «Легенда о Шапове» написана на основе изучения устной прозы, обнаруженной М. К. Азадовским летом 1915 г. во время поездки на р. Лену к старожильскому русскому населению⁶. Побывав в деревушке Анге, родине А. П. Шапова — историка, этнографа, писателя, профессора Казанского университета, высланного в 1863 г. на родину за политическую неблагонадежность, собиратель решил выяснить, сохранилась ли у земляков память о ссыльном и в каких чертах представляют они его деятельность и значение. Ответ на этот вопрос оказался важным не столько для биографа, сколько для фольклориста, интересующегося процессами возникновения и распространения народных преданий и легенд.

Сопоставляя легенду о Шапове с фантастическим рассказом о Н. Г. Чернышевском, сообщенном в воспоминаниях В. Г. Короленко, М. К. Азадовский пришел к заключению: предание о Шапове — не одинокое и не случайное явление в сибирском фольклоре. Неизбежное сходство образов народной словесности такого рода исследователь объяснил попыткой аборигенов осмыслить судьбу людей, перемещенных в далекую Сибирь, и кажущихся им какими-то выходцами из иного мира, чья жизнь и судьба поражала контрастными переходами. Размышления и догадки об участии невольных пришельцев тесно переплетались с раздумьями сибиряков о своей судьбе и жизни, что и составило тот фон, на котором возникали эти легенды, и то направление, по которому шло и развивалось их содержание. Отсюда проистекает их идейная общность и поразительное совпадение даже в мелких деталях⁷.

«Эпическая традиция в Сибири» — это текст вступительной лекции, прочитанной в 1921 г. на историко-филологическом факультете Томского университета⁸. Она по сути дела является обзором, в котором впервые обобщены противоречивые свидетельства об устной поэзии Сибири вообще и главным образом о былинах.

Этнографы долго утверждали, что сибиряки не любили и не умели петь, искажали песню, которая почти совсем исчезла из их обихода. Тем самым констатировалась якобы полная «непоэтичность» местного населения. Однако развернувшиеся с середины XIX в. собрание и учет сибирского

песенного богатства (по убеждению Азадовского едва ли уступающего Европейской России) определили необходимость пересмотра и вопроса об эпической традиции в Сибири.

Малое количество былинных записей объясняется отсутствием долгих и упорных поисков. Как только от случайного выявления фольклора переходили к длительным и систематическим обследованиям, почти всегда обнаруживали (иногда весьма обильные) остатки эпоса. Значительное количество старин было найдено С. И. Гуляевым на Алтае, А. А. Макаренко и И. А. Чеканинским на Енисее, В. Г. Богоразом в Якутской губернии, В. М. Зензиновым на берегу Ледовитого океана и т. д. Сам ученый в своих странствиях по р. Амуру и Лене установил недавнее существование там былинной традиции и знатоков былин. Если А. М. Лобода в 1896 г. располагал лишь 27 текстами, то М. К. Азадовский к 1920 г. знал уже около 60 вариантов, не считая образцов из «Сборника Кириши Данилова». Говоря об этом сборнике, М. К. Азадовский указывает, что независимо от места составления и географии записей он, несомненно, прошел сибирскую среду, ибо весь материал определенно свидетельствует о его долгом пребывании в Сибири и, может быть, в весьма отдаленной его части⁹.

М. К. Азадовский установил пути проникновения эпического предания в Сибирь: во-первых, ссылка скоморохов; во-вторых, миграция жителей из северных деревень России в южные сибирские губернии; в-третьих, самый значительный фактор — казачья колонизация края.

Статья не утратила своего значения и сегодня, так как продолжают оставаться актуальными заложенные в ней основы теоретического осмысления былевой традиции в Сибири, не устарели призывы исчерпывающего изучения былинного репертуара региона¹⁰.

Обзор «Этнографические изучения в Сибири» печатается впервые. Он написан в 20-х годах, предназначен для неизданного пятого тома «Сибирской советской энциклопедии», что и определило его жанровую особенность: небольшой объем и значительная насыщенность содержания.

М. К. Азадовский, привлекая сведения начиная с VIII в., подчеркивает заслуги путешественников, а также администраторов и крупных чиновников в эпизодической регистрации народоведческих фактов, характеризующих русских сибиряков. С 1851 г. начал функционировать Сибирский отдел Русского географического общества, члены которого накапливали архивные и статистические данные, наблюдения по языку, устному творчеству и бытующей материальной культуре; однако намеченные планы были осуществлены в весьма слабой степени. До 70-х годов XIX в., уточняет исследователь, освоение материала носило еще только собирательский характер вне каких бы то ни было обобщений. Начало систематическому постижению русской народности в Сибири положил П. А. Ровинский, чью программу развил А. П. Шапов. Их воззрения с пессимистической оценкой интеллектуального уровня сибиряков оказались решающими в понижении темпа дальнейших изысканий: до конца прошлого столетия в Сибирь не было снаряжено ни одной целенаправленной экспедиции, сравнительно мало внимания уделяли русским губернские отделения РГО; работа в крае велась почти исключительно силами политических ссыльных.

Плановое изучение быта и фольклора русских Сибири началось лишь после Октябрьской революции стараниями главным образом Восточно-Сибирского отдела Географического общества и Иркутского университета; большое значение имела организация в 1923 г. журнала «Сибирская живая старина», печатного органа ВСОРГО, в котором М. К. Азадовский принимал активное участие. В последние десятилетия этнографическое познание русского населения Сибири развернулось довольно широко. Специальная группа Института этнографии АН СССР, группы новосибирских историков и этнографов опубликовали целую серию книг, обобщивших значительный пласт фактических данных. И все же статья М. К. Азадовского до сих пор сохраняет свой программный характер. Обширность территории и важность проблем, возникающих перед исследователями, говорят о том, что потребуются еще значительные усилия для ликвидации «белых пятен» этнографического изучения русских в Сибири.

Завершающая сборник подборка «Из блокадных писем М. К. Азадовского» представляет собой фактически статью Л. В. Азадовской с широкой демонстрацией корреспонденций друзьям, коллегам-фольклористам, ученикам. Эти послания — непосредственные свидетельства участника и очевидца тяжелых событий первых 200 дней осажденного города (с 22 июня 1941 г. по 20 марта 1942 г.) — содержат описания тягот, выпавших на долю одной ленинградской семьи, жизни ученого, и в осаде не потерявшего своей научной активности.

Рецензируемое издание осуществлено в целом на достаточно хорошем полиграфическом уровне, хотя в нем допущены и некоторые огрехи. Так, на стр. 292 выпала целая строчка из начала письма от 18 января; на стр. 273 и 316 наблюдается разноречие в обозначении даты выпуска работы Н. Ф. Чужака, 1922 г. и 1921 г.; на стр. 3 не исправлена опечатка при указании года смерти В. Н. Азадовской — матери М. К. Азадовского (1915 вместо 1951); на стр. 149 имеется ошибка в фамилии П. П. Семенова-Тян-Шанского, а на стр. 319 — Ф. Ф. Аристов и т. д. К сожалению, в сборнике отсутствует портрет М. К. Азадовского.

Указанные мелкие недочеты ни в коей мере не снижают общего положительного впечатления от книги замечательного ученого.

М. Я. Мельц

Примечания

¹ Яновский Н. Н.: 1) Марк Константинович Азадовский // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 75—104; 2) Сибирские темы в творчестве М. К. Азадовского // Азадовский М. К. Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 3—14; 3) То же, переработанный вариант // Яновский Н. Н. Понск. Новосибирск, 1979. С. 92—107.

² Яновский Н. Н. Л. В. Азадовская // Сибирь. 1985. № 2. С. 94—102.

² Издание, приуроченное к 25-летию кончины В. К. Арсеньева, получило единодушное одобрение. См.: *Молдавский Д. М.* Путешественник и писатель // Ленингр. правда. 1956. 5 февр.; *Гурвич И. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 164—165; *Гор Г. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Нева. 1956. № 3. С. 176; *Роголь Н. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Дальн. Восток. 1956. № 6. С. 180—181; *Марков С.* Следопыты Дальнего Востока // Новый мир. 1956. № 8. С. 269—270. В конце 1956 г. очерк был напечатан еще раз в сокращенном виде Детгизом.

⁴ Сам том появился лишь в 1957 г. под заглавием: *Арсеньев В. К.* Жизнь и приключения в тайге / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Азадовского М. К. / Под. ред. акад. Обручева С. В. М., 1957. Рецензия: *Утков В.* И наука, и эстетика, и этика // Сиб. огни, 1958. № 1. С. 181—182.

⁵ Вопросы, впервые поднятые М. К. Азадовским, развиты и дополнены в книгах: *Кузьмичев И. С.* Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л., 1977, *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985.

⁶ Сначала «Легенда о Шапове» была помещена в Сибирской живой старине. 1923. Вып. 1. С. 59—71, затем вышла отдельной брошюрой (Иркутск, 1923), воспроизводимой в данном сборнике.

⁷ Народные рассказы о декабристах, записанные позже (например, А. В. Пруссак в Иркутской губернии), подтверждают высказанные предположения и выводы.

⁸ При подготовке ее к печати (Вестник просвещения. 1921. № 5—7. С. 1—16) М. К. Азадовским были добавлены подстрочные примечания, увеличены и расширены цитаты.

⁹ Новейшие исследования доказывают правильность гипотезы ученого. См. *Путилов Б. Н.* «Сборник Кириши Данилова» и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым / Подгот. Евгеньева А. П., Путилов Б. Н. 2-е изд. М., 1977. С. 374—375.

¹⁰ Успешной реализацией задач, выдвинутых М. К. Азадовским почти 70 лет назад, явилось, например, последующее собирательство Т. А. Шуба в низовьях р. Индигирки, К. А. Копержинского в Иркутской области, А. И. Лазарева в Барабе, создание обобщающих трудов В. М. Сидельниковым «Былины Сибири» (Гомск, 1968), В. С. Левашовым «Былина в Забайкалье» (Иркутск, 1980).

Д. А. Гранин. Ленинградский каталог // Нева. 1984. № 9.

С. 65—84. 1 илл.; е го ж е. Ленинградский каталог. Л., 1986. 111 с. 89 илл.

Каталог. Это значит обычно описание какой-либо коллекции или, как говорят, «собрания». Что же собрал на этот раз известный писатель? Какие редкости? Какие древности?

К Д. А. Гранину обратился за консультацией художник В. С. Васильковский, зарисовывавший в свой альбом отнюдь не какие-то древности, а предметы, в наше время редкие или даже забытые, но еще недавно — буквально считанные десятилетия тому назад — широко употреблявшиеся. Рисовал он, не задаваясь целью систематизации, а просто по мере того, как видел или вспоминал эти предметы или явления, так что на одном листе (некоторые листы альбома помещены и в статье, и в книге) можно увидеть умывальник, ботинки, футболку, примус, старый автомобиль иностранной марки, каких не встретишь теперь. Художника интересовали меблировка коммунальной квартиры, обстановка кухни и жилой комнаты, костюм ленинградцев 1920—1930-х годов, манера одеваться людей из разных слоев населения города — рабочего, учащегося, служащего, наконец, человека, что называется, преуспевающего, выбившегося в начальники. Он рисовал трамваи с открытыми площадками, извозчиков, упряжку ломового — словом, все то, во что одевались, на чем готовили, на чем ездили ленинградцы, когда с одеждой были большие трудности, но тем больше было к ней внимания (хотя и не одобрялась не только какая-либо роскошь, но иногда и ношение галстука), когда на кухне был десяток примусов и керосинок, принадлежавших разным хозяевам, а газовая плита была большой редкостью, когда не было метро, а трамваи ходили «обвешанные» людьми, уцепившимися за наружные ручки и кое-как державшимися на подножках. И, конечно, еще многое другое, чего не перечислишь в краткой рецензии.

Но оказалось, что многие предметы и явления прочно забыты и не так-то просто установить, что для чего служило, как называлось.

Д. А. Гранин охотно стал консультировать художника и скоро сам увлекся городским бытом 1930-х годов — временем своего отрочества и юности. Он вспоминал свой дом с большим, типичным для Ленинграда двором, в который нет-нет да и заходили то бродячие артисты — шарманщик, который часто был и предсказателем судьбы (ручной попугай или морская свинка тянули для желающих «жребий»), небольшой ансамбль с певцом или певицей (мать писателя как-то спела с музыкантами и так увлеклась, что пошла с ними в соседний двор), то разносчики или старьевщики, эти санитары городских квартир, находившие применение разному старью. Двор — арену детских игр, большой дом с его чердаком и подвалом, тоже прекрасно известными всем мальчишкам, перенаселенную квартиру, скромный быт своих родителей и соседей. Ритуал отцовского бритья (тогда брились по большей части «опасной» бритвой — помните, с помощью такой Ипполит Матвеевич Воробьянинов попытался свести свои счета с Великим Комбинатором?), даже немецкое клеймо на бритве: гордились клеймом фирмы «Золлинген». Или не менее милый детскому сердцу ритуал одевания родителей перед тем, как пойти в гости или в театр. Как отец иногда не мог найти нужную запонку, чтобы